

“Я дитя уранового века”

Питер Гринуэй — Газете

Противоречивая репутация британца Питера Гринуэя сыграла ему на руку, когда в последний день фестиваля все Канны принялись спорить о спрятанных и явных смыслах новейшего фильма режиссера, «Чемоданы Тульса Люпера». Некоторые вопросы Гринуэю задал Антон Долин.

Многие считают, что «Чемоданы Тульса Люпера» — самый политический ваш фильм. Это так?

В каком-то смысле. Он исследует эстетическую, природную, политическую ситуацию в мире, и нельзя это разделять. В любом случае, я не Майк Ли и не другой английский режиссер-социолог, который постарался бы высказать свою политическую позицию напрямую. Фашизм, антисе-

с перерывами для рекламы. Не будем забывать о том, как много в западной культуре уже было таких мегапроектов — по большей части литературных. Личный мой идеал — «Тристам Шенди» Лоренса Стерна. Данте в «Божественной комедии» тоже попытался вместить весь мир в один текст: вспомните о хрестоматийном описании этой поэмы — Данте хотел объяснить, как ангелы на небесах связаны с камнями на дороге. Теории Эйнштейна обо всем мире в одном месте тоже повлияли на меня. Такие сравнения звучат высокомерно и грандиозно, но я за это извиняться не собираюсь, потому что так или иначе все формы искусства пытаются прийти к этому. Как говорят журналисты, мы живем в век информации, и если это так, то искусство обязано это отражать.

говоря по-русски, и украинцы, которые говорят с ирландским акцентом. В проект вовлечены русские деньги, мы надеемся представить его на Московском кинофестивале. Некоторые «русские» сцены мы собираемся отснять в Польше, а другие эпизоды с русскими актерами уже сняли в Лейпциге. Разумеется, говорить об уране в XX веке без вовлечения русской темы невозможно.

Какие еще известные актеры появятся в «Чемоданах Тульса Люпера»?

У нас есть договоренность с Джоном Малковичем, и сейчас мы ищем окно в его крайне сложном графике. Еще у нас будет сниматься Джеймс Барри, в нью-йоркских сценах, и там мы решаем аналогичную проблему. То же и с Мадонной: съемки эпизода с ее участием срывались уже пять раз,

тальные, кто появляется в картине. На кастинге мы выбрали Джей Джей Филдса, многообещающего актера, которому пока только двадцать четыре года: он сыграл главную роль в первом фильме, появится и в других, хотя совсем ненадолго (его герой будет к тому моменту гораздо старше).

Вы думали о том, чтобы открыть музей Тульса Люпера?

В Берлине будет медиафестиваль, и он уже пригласил нас для того, чтобы занять все его пространство Тульсом Люпером в 2005 году. Там будет пять больших выставок материальных объектов, связанных с проектом. И это не все: предусмотрено открытие выставки в музее Гугенхайма в Бильбао, а еще и в Бруклинской академии искусств.

Первая книга о Тульсе Люпере выйдет крошечным тиражом, все копии будут пронумерованы. Вас не пугает, что большая часть вашего проекта окажется недоступной для широкой публики?

Эта проблема связана не только с книгами: как вы себе представляете широкую премьеру DVD? Многие средства выражения предполагают эти ограничения, таков их дискурс. Мы будем искать способы вовлечь в проект так много зрителей, как это возможно. Но парадокс в том, что те же проблемы испытывает сам кинематограф. Фильм превращается в невидимый объект. Куда проще найти и увидеть картину Караваджо в маленькой итальянской деревне, чем посмотреть «Космическую одиссею: 2001» Кубрика. Я не хочу смотреть ее на экране телевизора, это совсем не то же самое, что широкий экран. Если я вдруг захочу увидеть «Касабланку» в кинотеатре, куда я пойду, где я ее найду? Нигде, это невозможно. Не забавно ли, что самый массовый вид искусства стал настолько недоступным в некоторых смыслах?

Тульс Люпер — узник многих тюрем, таким его сделали вы. А сами вы не ощущаете себя пленником столь глобального проекта?

Повторю за одним из моих героев: каждый человек — пленник каких-то манер, чувств и идей. Иногда мы добровольно идем за решетку, пока не поймем, что оказались в тюрьме и наши руки связаны; тогда мы и начинаем искать ключ, чтобы освободиться. На ранних стадиях проекта все тюрьмы Тульса Люпера были вполне материальны, но со временем это меняется. «Я хочу быть идеальным тюремщиком», — говорит Люпер, — но как я стану им? Только превратившись в идеального заключенного».

Почему идеального?

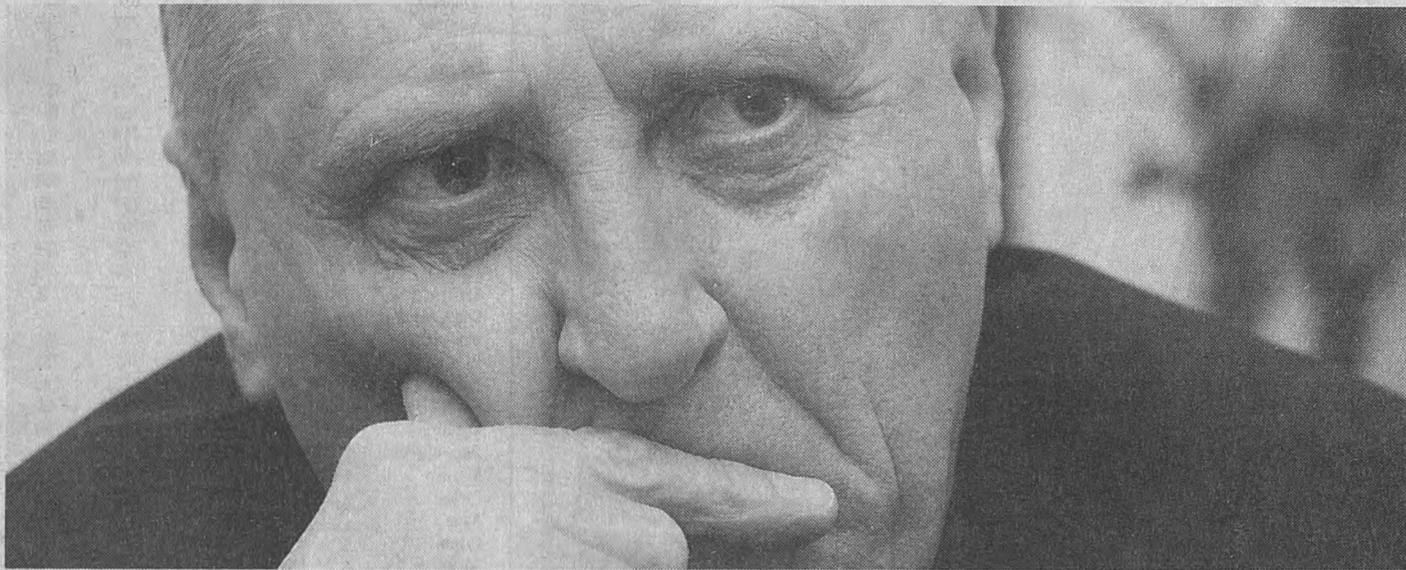
Потому что все мы — перфекционисты во всем, чем занимаемся, о чем бы ни шла речь. Идеальные преступники, идеальные серийные убийцы, идеальные политики — идеальный мистер Блэр! Это личные амбиции — делать хорошо все, что делаешь, и они присущи большинству.

Так заключенный ли вы?

Безусловно, и фильм этот прежде всего говорит обо мне самом. Это проект о проекте, о том, как делать кино, проект, посвященный поиску точных определений, проект «кинематограф умер — да здравствует кинематограф!». Я надеюсь не стать пленником в единственном смысле: не потерять интерес к Тульсу Люперу. Но это вряд ли случится, учитывая возможность быть не только режиссером, но и писателем, художником, веб-дизайнером, композитором и так далее. Устану от одного — займусь другим.

А в жизни вы ощущаете себя пленником чего-либо?

Секса. Ответ короткий, прост и правдив. Может, я и пленник профессии кинорежиссера, но в этом я уверен в меньшей степени. К тому же куда большее удовольствие мне бы доставила другая профессия: я всегда хотел быть художником.

Фотограф: Юрий Штукин/Газета

митизм, другие фобии, я говорю о них, причем применительно не только ко Второй мировой войне, но и в связи с событиями последнего полугодия.

Что вы думаете о призах, на соискание которых в Каннах выдвинут и ваш фильм?

Призы получать приятно, особенно здесь — Канны были первым моим фестивалем, и все мои кумиры получали тут награды. Алан Рене, Годар, Антониони... Было бы здорово как-то войти в их компанию, пусть и на такой дистанции. Но призы решают не все — есть еще и система дистрибуции, деньги, продюсеры... Так что фестиваль закончится, и все: спасибо, до свидания.

Похоже, производство трилогий вошло в традицию у современных европейских режиссеров...

Не мой случай! Это никакая не трилогия, уверяю вас. Трилогия основана на трех самостоятельных, но связанных между собой элементах, а «Чемоданы Тульса Люпера» — единый фильм, который по очевидным причинам, учитывая ситуацию с дистрибьюторами, мы не могли показывать с ходу целиком, заставляя зрителя сидеть в зале восемь-девять часов подряд. Я не хотел совершать подобно финансового самоубийства, поэтому мы делаем один фильм за другим. Забавно, что многие люди в детстве — я, во всяком случае, — каждое субботнее утро ждали выпуска новых приключений Бэтмена, привыкая к форме сериала. Теперь эта форма нуждается в новой арене для выражения. Кроме того, вы, возможно, замечали, как постепенно растет объем. Первые фильмы Чарли Чаплина были совсем короткими, потом стали длиннее, но все еще не превышали полутора часов, а затем становились больше и больше. Посмотрите на Спилберга! Ему, правда, есть чем заполнить длинноты. Бывают маленькие идеи, а бывают большие, и мы нередко насильно заставляем их втискиваться в двухчасовые рамки. Как на телевидении, где невозможно предложить продукт в ином формате, чем пятидесятиминутная серия

«Чемоданы Тульса Люпера» будут иметь множество воплощений, и лишь некоторые из них связаны с кинематографом. А какой формат предпочитаете лично вы?

DVD мне нравится больше всего. Потрясающий потенциал моделирования красивых образов, не выходя из дома. Пару дней назад мы запустили и веб-сайт, и это тоже очень важно. Технологии развиваются, и невозможно их отрицать. Этот проект будет продолжаться на протяжении еще примерно трех лет, и к его окончанию наверняка появится что-то новое. Я не мог бы сделать «Чемоданы Тульса Люпера» восемь лет назад. Да что там, некоторые вещи не существовали еще полтора года назад.

Можно попросить вас уточнить смысл второго названия проекта — «История урана»?

Я дитя уранового века, мне было три года, когда сбросили бомбу на Хиросиму. Моя политическая и социальная жизнь, мои первые начинания в искусстве — все это было так или иначе связано с ураном. Будь я моложе, наверное, снял бы фильм об экологической ситуации... Уран — метафора реальности, и любой исторический факт вообще может стать метафорой. Мой проект начинается в 1928-м, когда уран был открыт, и поэтому в первой части появляются морюны Моавской пустыни, и завершается с падением Берлинской стены в 1989-м. Конечно, история на этом не кончается. Скажем, это финал первой части во всемирной истории урана.

Россия — часть этой истории и один из продюсеров вашего проекта. Не могли бы вы рассказать подробнее об этом?

Мне очень понравилось делать этот фильм, потому что мы использовали все искусственные возможности кинематографа. Парижские эпизоды мы снимали в Италии, Моавскую пустыню создали в Испании. Я хотел, чтобы зритель это почувствовал, поэтому в моем фильме есть бельгийцы, которые

и она сама попросила вызвать ее именно тогда, когда абсолютно все будет готово, чтобы мы могли отснять как можно быстрее. А актер Винсент Галло должен был сниматься, подписал контракт, получил свои деньги, а потом исчез где-то в Японии, так и не появившись на съемочной площадке. Пришлось обойтись без него.

Фильм «Чемоданы Тульса Люпера» местами заставлял публику смеяться, и случалось это куда чаще, чем на сеансах ваших предыдущих фильмов. Вы поклонник творчества «Монти Пайтона» — оказали ли они на вас влияние здесь?

Я рад, что фильм вам показался смешным. Разумеется, речь не идет о животном юморе, но ирония, парадоксы и абсурд здесь, безусловно, присутствуют. «Монти Пайтон», с которыми я себя иногда сравниваю, были лишь последними представителями того феномена, который связан с творчеством Льюиса Кэрролла и многих других. Особый английский юмор: знаете, мы прекрасно умеем сбивать с толку соседей по планете.

Тульс Люпер похож на бесконечное количество персонажей — от самых древних странников до Тин-Тина из популярных бельгийских комиксов...

Да, я думал об этом и сам читал Тин-Тина, когда мне было лет восемь, — хотя и не имел в виду таких параллелей с началом. Кстати, у Тин-Тина такой же симпатичный чуб, как у моего героя, и на пути Тин-Тина встречается не меньше странных персонажей...

Кто такой для вас Тульс Люпер?

Центральная фигура всегда — самая сложная. Он может быть любым человеком, сравнить его можно с кем угодно, вплоть до Гарри Поттера. Тульс Люпер имеет долгую историю лично для меня, многие мои персонажи могли быть Тульсом Люпером, и кроме того, это, безусловно, автопроеция. Он зеркало для других, но он еще и я сам, мой отец, Санта-Клаус, да и все ос-